

На правах рукописи

Губина Елена Анатольевна

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ПУНКТУАЦИОННОЙ СИСТЕМЫ
В ТЕКСТАХ НЕКЛАССИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ**

Специальность 10.02.19 – теория языка

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Ростов-на-Дону – 2017

Работа выполнена в ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Покровская Елена Александровна

Официальные оппоненты: **Ахиджакова Марьет Пшимафовна**,
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный
университет»/ кафедра общего языкознания,
зав. кафедрой

Лучинская Елена Николаева,
доктор филологических наук, профессор,
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный
университет» / кафедра общего и славяно-
русского языкознания, зав. кафедрой

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Уральский государственный
педагогический университет»

Защита состоится «30» июня 2017 года в 10.00 часов на заседании
диссертационного совета Д 212.208.17 по филологическим наукам при
ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет» по адресу: 344082, Ростов-
на-Дону, ул. Большая Садовая, 33, ауд. 202.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО
Южный федеральный университет»: <http://hub.sfedu.ru/diss/announcements>.

Автореферат разослан «__» мая 2017 г.

Учёный секретарь
диссертационного совета

Григорьева Надежда Олеговна

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Художественная литература XX века отличается активным поиском новых форм как в области собственно литературной формы, так и в области языка. В силу этого в художественной литературе XX века мы обнаруживаем множество новых явлений, которые связаны с нарушением или переосмыслением нормы, а также с попыткой создания новых образцов. И хотя эти попытки далеко не всегда являлись продуктивными и успешными, их результатом стало обогащение и усложнение наших представлений как о возможностях художественного текста, так и о возможностях самого языка. **Актуальность исследования** обусловлена постоянно возрастающим интересом к осмыслению многочисленных языковых новаций, характеризующих художественные тексты, относящиеся к таким направлениям искусства XX века, как модернизм и постмодернизм, а также к обобщенному осмыслению текстов в контексте лингвокультурологии, в частности, с точки зрения бинарной оппозиции «классическая/неклассическая парадигмы культуры».

Исследователи уже обращались к изучению разнообразных особенностей художественных текстов авангарда, модернизма и постмодернизма. В контексте данной работы необходимо отметить исследования В. Г. Адмони, Г. Н. Акимовой, Н. Д. Арутюновой, А. А. Вердеш, А. Т. Давлетьяровой, Б. Е. Локтева, О. В. Марьиной, Е. А. Покровской, А. А. Чувакина и др., в которых проанализированы важные аспекты синтаксического строя текстов неклассической парадигмы и обосновано введение таких понятий, как «синтаксическое расчленение» и «синтаксическое слияние». Однако актуальным является рассмотрение пунктуационных особенностей текстов неклассической парадигмы, особенно в контексте представлений о синтаксическом расчленении и синтаксическом слиянии.

В основе настоящего исследования лежит **гипотеза**, в соответствии с которой пунктуация является самостоятельным фактором в проявлении тенденций к синтаксическому расчленению и синтаксическому слиянию, которые реализуют в художественном тексте установки неклассической парадигмы культуры. Данная гипотеза позволяет рассмотреть пунктуацию как особый, формально самостоятельный аспект текста неклассической парадигмы.

Объектом исследования являются пунктуационная система в художественных текстах, относящихся к неклассической парадигме.

Предмет исследования – трансформация пунктуации в русско- и англоязычных художественных текстах неклассической парадигмы.

Цель исследования заключается в системном описании трансформации пунктуации в художественных текстах неклассической парадигмы.

Цель исследования определила его **задачи**:

- уточнить характеристики пунктуации как подсистемы языка;

- определить роль пунктуации в проявлении и формировании тенденций к синтаксическому расчленению и синтаксическому слиянию в художественном тексте;
- описать виды и эффекты контекстуальных пунктуационных девиаций, характерных для текстов неклассической парадигмы;
- выявить типы трансформации пунктуационной системы, обусловленные установками неклассической парадигмы.

Эмпирическую базу исследования составили примеры, полученные методом сплошной выборки из произведений художественной неклассической парадигмы культуры, то есть принадлежащей к таким художественным направлениям, как авангард, модернизм и постмодернизм. Исследование проводилось на материале произведений русско- и англоязычных писателей – представителей модернизма и постмодернизма: А. Белого, А. Гольдштейна, В. Набокова, Д. Осокина, Б. Пильняка, А. Ремизова, С. Соколова, Т. Толстой, М. Цветаевой, С. Беккета, У. Берроуза, В. Вульф, Дж. Джойса, Дж. Дос Пассоса, Т. Моррисон, У. Фолкнера и др. В результате работы с источниками была составлена картотека, включающая 1457 примеров, которые иллюстрируют значимые с точки зрения проблематики работы нарушения пунктуационной нормы.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем впервые рассматривается феномен пунктуации как фактор создания синтаксической расчлененности и синтаксической слитности текста, а также как средства выражения установок неклассической парадигмы, выделяются типы трансформации пунктуационной системы, а также нарушений пунктуационной нормы в англо- и русскоязычных художественных текстах.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что оно вносит вклад в развитие теории языка, углубляя представления о пунктуации как особой подсистеме, уточняя специфику ее динамики, а также роль в визуализации текста.

Практическая значимость. Материалы, а также сформулированные выводы и результаты могут быть использованы при подготовке и преподавании курсов теории языка, лингвокультурологии, стилистики, синтаксиса русского и английского языков, а также спецкурсов и спецсеминаров по проблемам лингвистики текста, графемики и параграфемики, русской и английской пунктуации.

Общефилософскими предпосылками исследования стали представления о всеобщей связи явлений и языке как системе систем, находящейся в постоянном развитии, а также положения материалистической диалектики о единстве формы и содержания, категориях общего и частного, конкретного и абстрактного.

Общенаучная база диссертации представлена исследованиями в области теории языка (К. Ажеж, Т. А. Амирова, С. О. Карцевский, А. А. Реформатский, Ф. де Соссюр, Л. В. Щерба), культурологии (В. М. Межуев, А. А. Пилипенко, В. П. Руднев, Э. Б. Тэйлор, А. Д. Урсул, У. Эко, А. К.

Якимович, И. Г. Яковенко) и лингвокультурологии (А. Вежбицкая, А. А. Вердеш, А. Мамонтов, Е. А. Покровская, В. Whorf), семиотики (М. Ю. Лотман, Б. А. Плотников), общего синтаксиса (А. М. Мухин, С. Н. Цейтлин), стилистики текста (В. Г. Адмони, Н. Д. Арутюнова, А. И. Ефимов), теории письменности и письменного текста (Т. Г. Амирова, Е. Е. Анисимова, А. Н. Баранов, Й. К. Вахек, И. Гельб, Т. М. Григорьева, Е. В. Дзякович, А. А. Зализняк, Г. В. Колшанский, П. Б. Паршин и др.).

Частнонаучная база исследования включает работы по русской пунктуации (Н. Д. Валгина, Д. Э. Розенталь, А. Б. Шапиро, Б. С. Шварцкопф, Н. Л. Шубина и др.) и английской пунктуации (G. Jarvie, King G., M. K. McCaskill, Ch. F. Meyer, A. Stilman, G. Woods и др.), авторской и нерегламентированной пунктуации (Андросова Ф. С., Брусницына Е. В., Н. С. Валгина, М. В. Веккесер, Е. О. Захарова, Л. М. Кольцова, Б. Е. Локтев, О. А. Мельничук, D. D. Couch, T. Romano, W. Weathers и др.), русскому и английскому синтаксису (О. В. Александрова, Н. М. Гусев, П. А. Лекант, Н. К. Филонова и др.).

Специфика объекта исследования, а также его цели и задач определила набор использованных **методов исследования**: наблюдение, аналогия, сравнение, системный анализ, классификация.

На защиту выносятся следующие **положения**:

1. Пунктуация представляет собой особую подсистему в составе письменного языка. С одной стороны, пунктуация как часть графики противопоставляется другим элементам графической системы, как алфавитным (буквы), так и неалфавитным (идеографические знаки). С другой стороны, в пунктуации неправоммерно видеть прямой аналог интонации устной речи, поскольку пунктуация имеет собственную логику развития. Пунктуационное оформление художественного текста, наряду с другими его свойствами (стилистическими, синтаксическими, содержательными, композиционными), способно выражать эстетические установки художественного течения и более широких культурно-эстетических образований (парадигм культуры).

2. Пунктуация способна выступать в качестве самостоятельного фактора формирования синтаксического расчленения и синтаксического слияния в художественном тексте. Синтаксическое расчленение, формируемое исключительно синтаксическими средствами, может либо не получать пунктуационного оформления, либо оформляться пунктуационно, причем в последнем случае пунктуация играет вторичную роль, лишь оформляя результат синтаксической трансформации нейтрального высказывания.

3. В художественных текстах установки неклассической парадигмы определяют следующие типы нарушений пунктуационной нормы: 1) реализации корреляции «знак – отсутствие знака», 2) реализации корреляции «более сильный знак – более слабый знак», 3) замена одного знака другим и 4) необычные, недопустимые сочетания знаков.

Употребление знака в позиции, где он не является необходимым, использование более сильного знака вместо более слабого, замена одного знака другим, а также недопустимые с точки зрения пунктуационной нормы и сложившегося письменного узуса сочетания знаков препинания представляют собой проявления тенденции к синтаксическому слиянию. Отсутствие знака в позиции, где знак необходим, и использование более слабого знака на месте более сильного проявляют в пунктуационном плане тенденцию к синтаксическому слиянию.

Эффектом выявленных девиаций, особенно если они носят систематический характер, является перераспределение, обобщение или размывание функциональности знаков препинания, что правомерно осмыслить как изменение их значимости, то есть функциональной нагрузки в рамках системы.

4. В текстах неклассической парадигмы возможна трансформация пунктуационной системы в целом. В основе типологии этих трансформаций лежит два принципа: принцип «усечения», который заключается в отказе от использования знаков препинания (с сохранением «рудиментов» графической организации текста в виде пробелов между словами, абзацных отступов и т.п.), и принцип «расширения», который заключается в вовлечении в пунктуационную систему периферийных элементов графической организации текста (абзацных отступов, средств членения текста на главы). Эти принципы могут реализовываться изолированно, что дает в результате привязанные к конкретным текстам «усеченные» и «расширенные» пунктуационные системы соответственно, а также в сочетании. При этом «усечение» пунктуационной системы в последнем случае является первичным, поскольку вовлечение периферии графической системы текста или создание авторских знаков всегда компенсирует последствия исключения знаков препинания.

Степень достоверности исследования определяется объемом эмпирической базы, которая включает репрезентативный набор примеров, иллюстрирующих многогранность пунктуационных новаций, выражающих установки неклассической парадигмы, и полученных из художественных текстов авторов, которые работали в разные периоды XX века и принадлежали к разным литературным направлениям, а также многоаспектным анализом научной литературы, имеющей отношение к объекту исследования.

Апробация исследования. Основные положения исследования прошли апробацию в докладах на 6 научных и научно-практических конференциях различного уровня, в том числе международных (The 4th European Conference on Languages, Literature and Linguistics, Австрия, Вена, 2014; I-я Международная конференция «Парадигмальные измерения современной лингвистики: лингвокультурное образование», Вроцлав, Польша, 2014; I Международная конференция «Лингвокультурные феномены в коммуникативном пространстве полиэтнического региона», Ростов-на-

Дону, 2014; IV Международная заочная научно практическая конференция «Актуальные проблемы германистики и методы преподавания иностранных языков», Саранск, 2014; Международная научно-практическая конференция «Визуальная коммуникация в социокультурной динамике», Набережные Челны, 2014; XXV Международная научно-практическая конференция «Современные проблемы гуманитарных и естественных наук», Москва, 2015), а также нашли отражение в 11 печатных работах, три из которых опубликованы в журналах, рекомендованных ВАК РФ для публикации результатов научных исследований аспирантов и докторантов.

Структура работы. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографического списка и списка цитируемых источников. Библиографический список включает 230 пунктов, список источников материала – 61 пункта.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Глава 1 «Роль пунктуации в новациях “неклассической парадигмы и ее место в системе языка”» реферируемого диссертационного исследования посвящена наиболее важным с точки зрения цели и задач работы вопросам: системно-языковому значению пунктуации и ее связи с новациями неклассической парадигмы культуры. Кроме того, в этой главе вводятся базовые понятия (противопоставление классической и неклассической парадигм культуры, понятия синтаксического расчленения и синтаксического слияния), а также анализируется место данных понятий в общей системе лингвокультурологического знания.

В данной главе дается подробный анализ понятия парадигм культуры и, в частности, противопоставления «классической» и «неклассической» парадигм культуры, а также с опорой на результаты предшественников описываются общие проявления «неклассической» парадигмы культуры в плане синтаксиса текста и его пунктуационного оформления.

Теоретические основы выделения двух парадигм культуры были заложены Е. А. Покровской в ее докторской диссертации, а также монографии «Русский синтаксис в XX веке: Лингвокультурологический анализ» и получили разработку и развитие в исследованиях П. С. Родина, О. В. Марьиной, А. А. Вердеш.

Парадигмы культуры характеризуются прежде всего стоящими за них установками, определяющими их отношение к норме, традиции. Классическая парадигма культуры (в терминологии Е. А. Покровской, «первая парадигма») характеризуется стремлением к упорядочиванию, преодолению хаоса, гармонии, симметрии, полноте. Для неклассической (по Е. А. Покровской, «второй») парадигмы, наоборот, характерно стремление к разрушению норм и стандартов, к хаосу, отрицанию иерархии, порядка, акцентированию дисгармонии, неполноты. Последовательная реализация этих комплексов установок может быть прослежена на материале заявлений-манифестов, а также на материале художественной практики, причем не

только литературно-художественной, – аналогичные проявления могут быть обнаружены в живописи, театре, кино и других видах искусства.

Установки неклассической парадигмы культуры проявляются на самых разных уровнях художественного текста, однако в контексте данной работы особенно важными оказываются их проявления в области синтаксиса. Согласно результатам, полученным Е. А. Покровской, неклассическая парадигма культуры находит отражение в двух тенденциях – тенденции к синтаксическому расчленению и тенденции к синтаксическому слиянию. Тенденция к синтаксическому расчленению представлена такими явлениями, как парцелляция, неграмматическое обособление, сегментация, синтаксическая неполнота, широкое использование вставных конструкций, тенденция к синтаксическому слиянию – в таких явлениях, как утрата границ между различными субъектными сферами в конструкциях с прямой речью, замена сильных связей более слабыми, широкое использование бессоюзной связи вместо сочинительной и подчинительной, отсутствие пунктуационного оформления у текстов.

Эти тенденции возникают одновременно: изначально (в русской литературе – в первой половине XX века) активизируется тенденция к синтаксическому расчленению, которую в целом можно осмыслять как актуализирующую прозу (Н. Д. Арутюнова); тенденция к синтаксическому слиянию активизируется позже, в русской литературе – во второй половине XX века. Это позволило А. А. Вердеш сформулировать и обосновать предположение, что тенденция к синтаксическому слиянию представляет собой попытку уравновесить последствия активизации синтаксического расчленения. При этом целью такого уравновешивания является не восстановление баланса, выработанного классической парадигмой культуры, а установление нового баланса, учитывающего наработки неклассической парадигмы культуры.

Представляется существенным, что концепция парадигм культуры является подходом, дополняющим традиционную лингвокультурологическую проблематику, которая в основном сосредоточена на уникальных чертах картины мира, находящей выражение в конкретном национальном языке. Парадигмы культуры – это совокупности установок и представлений, которые существуют независимо от национальных культур, а потому могут актуализироваться в рамках любой национальной культуры, на материале любого национального языка. Это очевидно при сопоставлении воплощения неклассической парадигмы культуры в произведениях художественной литературы, созданных на европейских языках в XX веке и обнаруживающих заметное сходство, что, по меньшей мере, позволяет сделать вывод об общности противопоставления классической и неклассической парадигм для европейского культурного ареала.

Решение задач, поставленных перед исследованием, также предполагает необходимость осмысления роли пунктуации в системе языка.

Вряд ли нуждается в дополнительном обосновании тот факт, что пунктуация является особой подсистемой письменного языка. Пунктуационные знаки формируют особое подмножество алфавита, которое отличается как от букв, так и от других знаков, прежде всего, идеографического характера (цифр, математических символов и т.д.). Это отличие заключается прежде всего в функциональной нагрузке, которая в современной науке понимается как организация письменного текста. При этом пунктуация отличается от алфавитных и других внеалфавитных знаков, формирующих графику языка, тем, что выполняет собственно организующую функцию, а не репрезентирует некоторые дискретные объекты, то есть звуки (как в случае со знаками алфавита) или понятия (как в случае с идеографическими графемами вроде цифр и некоторых других знаков).

В то же время пунктуация является частью графической системы языка и должна быть вместе с другими алфавитными и неалфавитными знаками противопоставлена собственно изобразительным (иконическим) элементам, входящим в состав креолизованных текстов, на основании соотнесенности с системой языка. По этой причине кажется необоснованным отнесение пунктуации к параграфемике или метаграфемике: пунктуационные знаки являются неотъемлемой частью любого письменного сообщения, строго кодифицированы и не имеют самостоятельного существования вне письменного текста (или, по крайней мере, такое самостоятельное существование развивается у них как вторичное явление).

Пунктуация в работе рассматривается как особая подсистема письменной речи, (относительно) автономная по отношению к интонации. Существующее в обыденном языковом сознании и некоторых научных работах убеждение, что пунктуация репрезентирует интонацию, обусловлено тем фактом, что интонация и пунктуация являются организующими средствами для устной и письменной речи соответственно, то есть выполняют аналогичные функции в разных подсистемах языка. Пунктуация так же, как интонация, зависит от грамматической, смысловой и прагматической структуры речи, причем для передачи этих аспектов высказывания в пунктуации вырабатываются средства, далеко не всегда параллельные интонационным. Именно в силу этого между интонацией и пунктуацией нельзя ставить знака равенства или полагать, что пунктуация лишь репрезентирует интонацию. В действительности мы имеем дело с двумя особыми и относительно самостоятельными системами, которые пересекаются лишь отчасти, в силу выполнения аналогичных функций, и развиваются в значительной степени независимо друг от друга.

Глава 2 «Роль пунктуации в формировании синтаксического расчленения и синтаксического слияния» реферируемого исследования посвящена выявлению форм участия пунктуации в таких определяющих для неклассической парадигмы синтаксических явлениях, как синтаксическое расчленение и синтаксическое слияние.

В целом синтаксическое расчленение с точки зрения пунктуации можно интерпретировать как наличие знака в позиции, где он не является необходимым, либо как использование более сильного знака вместо более слабого (например, тире или точки вместо запятой), что в равной степени усиливает расчлененность, дискретность текста. Соответственно, синтаксическое слияние с пунктуационной точки зрения представляет собой отсутствие знака там, где он необходим, либо использование более слабых знаков препинания там, где были бы уместны более сильные знаки.

Исследование языкового материала позволило выявить три формы участия пунктуации в формировании синтаксического расчленения и синтаксического слияния: 1) синтаксическое расчленение формируется исключительно формируется исключительно за счет синтаксических средств, пунктуация не играет в этом процессе существенной роли; 2) синтаксическое расчленение формируется синтаксическими средствами, однако получает обязательное пунктуационное оформление; 3) синтаксическое расчленение и синтаксическое слияние формируются при активном участии пунктуационных средств, которые играют роль ведущего средства или одного из ведущих средств формирования соответствующих языковых явлений.

Необходимо подчеркнуть, что отсутствие упоминания о синтаксическом слиянии в первых двух случаях не является случайным: в отличие от синтаксического расчленения, синтаксическое слияние создается преимущественно пунктуационными средствами, то есть снятием пунктуационных границ между синтаксическими единицами, отказом от некоторых или всех знаков препинания. Роль лексико-грамматических средств, гораздо более высокая при синтаксическом расчленении, в синтаксическом слиянии минимальна.

Первая категория, к которой относятся все случаи синтаксического расчленения без использования пунктуационных средств, возникает в результате операции, совершаемой над планом выражения грамматически правильного, полного высказывания. Наиболее типичным проявлением этого варианта является неполнота, часто реализуемая как внезапный обрыв синтаксической цепочки, ср.: *Limit of the diaphane in. Why in? Diaphane, adiaphane* (Joyce, *Ulysses*); *А может быть реки просто не было? Может быть. Но как же она называлась? Река называлась.* (Соколов, *Школа для дураков*). В обоих примерах содержится обрыв, в первом случае он мотивируется ходом мысли, во втором – либо таким же внезапным обрывом, либо стремлением умолчать, обусловленным желанием придать условность и вневременной характер хронотопу романа, либо превращением формы глагола *называлась* в своего рода бытийный глагол ('не важно, как именно река называлась, она называлась, то есть имела имя'). При этом в обоих случаях неполнота формируется посредством эллипсиса, а знаки препинания, то есть точки, используются так же, как в случае с полными предложениями, для указания на границы между самостоятельными синтаксическими

сегментами. Пунктуационных маркеров у такого ярчайшего проявления синтаксического расчленения, как неполнота, в таких случаях нет.

Вторая категория, то есть случаи, когда синтаксическое расчленение формируется синтаксическими средствами и оформляются пунктуационно, представлена как традиционными знаками препинания, так и не типичными для этой функции средствами.

Например, и для русских, и для английских текстов характерно использование многоточия для обозначения обрыва фразы, а также пауз, разбивающих фразу на интонационно самостоятельные части: — «Я вам вот что замечу: меньше бы вы в письма-то совали свой нос...» — «Стало быть: Анна Петровна...» — «Ну и — стало быть...» — «Да я, так себе... Я — что: ничего...» (Белый, Петербург); *In his naivety Samad had simply assumed a woman so young would be . . . easy. But Alsana was not . . . no, she was not easy* (Smith, *White teeth*). Это средство является традиционным, оно кодифицировано в нормативных источниках, а потому более показательным является не столько само его наличие, сколько его частотность, а также контекст использования (например, частотность многоточия в авторской речи можно рассматривать как достоверный признак синтаксической расчлененности текста).

Типичным для английской пунктуации является использование для обозначения внезапного обрыва фразы конечного тире, ср.: *“She is still shuttling,” said Miss Pratt, showing how with her liver-spotted hands, “between the anal and genital zones of development. Basically she is a lovely—” “I beg your pardon,” I said, “what zones?”; “You dope,” she began, “there is noth—” but here she noticed the pucker of my approaching lips* (Nabokov, *Lolita*). Этот знак иногда используется и в русскоязычных текстах (в частности, его использует В. Набоков в произведениях русского периода), однако для русской пунктуации он не является кодифицированным, а его применение можно рассматривать как влияние английской пунктуации.

Более характерным для русской пунктуации является использование тире для обозначения пропуска компонента внутри предложения: *Какой резон заряжать, если зимой вокруг — никого. Никого — зимой, осенью и весной* (Соколов, *Школа для дураков*); *Я ни тогда, ни потом, никогда не любила, когда целовались, всегда — когда расходились. Никогда — когда садились, всегда — расходились* (Цветаева, *Мой Пушкин*). В свою очередь, для английской пунктуации не характерно использование данного знака, причем пропуск компонента внутри предложения часто остается без маркировки, что крайне нетипично для русского письма: *For in marriage a little licence, a little independence there must be between people...; which Richard gave her, and she him* (Woolf, *Mrs Dalloway*, 7); *The sky was a dark green, the clouds turbulent like oil* (Ondaatje, *Divisadero*, 30).

Другое яркое проявление синтаксической расчлененности, которое получает пунктуационное оформление, — это вставная конструкция (парентеза). Если в случае с пропуском операция над синтаксической

структурой заключается в пропуске компонента или компонентов предложения, то вставная конструкция в некоторых случаях может быть осмыслена как перемещение одного синтаксического компонента внутрь другого: *She sat down on one of the made-up twin beds and—it was the fifth or sixth ring—picked up the phone* (Salinger, *A Perfect Day*); *For perhaps a minute—time was measureless now—they had gone through a village where only the two of them moved in the blackness* (Ondaatje, *Divisadero*); *Во мраке сквера, едва задетого веером уличного света, красавица, которая вот уже лет восемь все отказывалась воплотиться снова (настолько жива была память о первой любви), сидела на пепельной скамейке, но когда он прошел вблизи, то увидел, что это сидит тень ствола* (Набоков, *Дар*). Подобные перестановки всегда маркируются посредством скобок, как в приведенных примерах, либо тире. Однако в любом случае расчлененная структура создается посредством синтаксической трансформации, тогда как пунктуационные средства лишь оформляют результат этой операции.

Наиболее важной в контексте реферируемой работы представляется третья категория — случаи, когда пунктуация играет ведущую роль в формировании синтаксического расчленения и синтаксического слияния. Наличие таких фактов доказывает, что пунктуация может рассматриваться как самостоятельное средство в экспериментах неклассической парадигмы.

Расчленение может создаваться путем использования более сильных знаков препинания вместо более слабых. Так, в следующем примере тире используется в позициях, где с точки зрения пунктуационной нормы необходима запятая (либо не нужны знаки препинания вообще): *Перед глазами стояла она — я видел прекрасную пикантную фигуру — и видел густые, отливающие золотом, волосы (шиньона) — белые, как снег, зубы за яркими чувственными губами...* (Пильняк, *При дверях*).

Чрезвычайно важным средством формирования синтаксического слияния является использование более слабых знаков, особенно при соединении длинных рядов синтаксических сегментов: такое пунктуационное оформление как бы уравнивает эти компоненты, разрушая иерархию, типичную для текста. Это характерно для потока сознания, ср.: *темный юноша на фоне белой зари, мечтательно, юноша, мечтающий стать инженером, юноша-инженер, если угодно, кудрявый, довольно кудрявый, книга за книгой, читает книгу за книгой на фоне, бесплатно, экслибрис, за счет издательства, один и тот же, все книги подряд, очень начитан, он очень начитан, ваш мальчик* (Соколов, *Школа для дураков*). В той же функции используется и полный отказ от знаков препинания: *под стук вагонных на станцию которая по той же ветке что и-и-и по Вете ветлы сонных пассажиров тревожа плачешь в вагоне от любви от ненужностей жизни мама за окнами дождь неужели мы должны ехать в такую слякоть да дорогой немного музыки не повредит тебе мы же договорились маэстро будет сегодня ждать неудобно* (там же). Разумеется, полное отсутствие знаков препинания является более сильным средством

формирования синтаксического слияния. Если использование однотипных слабых знаков препинания все-таки сохраняет и подчеркивает естественную расчлененность текста, то их отсутствие гораздо более сильно размывает границы между сегментами.

Особым случаем синтаксического слияния является также отказ от пунктуационного выделения прямой речи, который в некоторых случаях ведет к невозможности провести четкую границу между репликами персонажей и авторской речью, а также между репликами разных персонажей. Впрочем, гораздо чаще эта граница может быть установлена, хотя расчленение текста возлагается на читателя, ср.: *How had the ball been? Oh, it had been a riot. A what? A panic. Terrific, in a word. Had Lo danced a lot? Oh, not a frightful lot, just as much as she could stand. What did she, languorous Mona, think of Lo? Sir? Did she think Lo was doing well at school? Gosh, she certainly was quite a kid. But her general behavior was—? Oh, she was a swell kid. But still?* (Nabokov, *Lolita*).

В главе 3 «Контекстуальные трансформации пунктуационной системы в художественных текстах неклассической парадигмы» рассматривается особый тип использования пунктуации, связанный с конкретной синтаксической позицией и фактически заключающийся в замене одного элемента пунктуационной системы другим. Отличительный признак этого ряда явлений заключается в том, что такие замены не являются системными, что в целом увеличивает уровень ненормативности, необычности текста, придавая ему определенную непредсказуемость с читательской точки зрения.

В результате исследования языкового материала удалось выявить четыре разновидности таких пунктуационных отклонений: 1) замены, основанные на корреляции «знак – отсутствие знака», 2) замены, основанные на корреляции «более сильный знак – более слабый знак», 3) замены разнофункциональных знаков препинания, 4) совмещение в одной позиции разных, часто не совместимых с точки зрения нормы, знаков препинания. Необходимо подчеркнуть, что указанные разновидности не соотносятся с синтаксическим расчленением и синтаксическим слиянием однозначно, то есть могут реализовываться как синтаксическое расчленение, так и синтаксическое слияние.

Типичным примером замены, основанной на корреляции «знак – отсутствие знака», является парцелляция, которая с пунктуационной точки зрения представляет собой постановку точки там, где с точки зрения синтаксической структуры она не является необходимой, ср.: *But the main thing I had to do in 1928 was watch my step. Play along with the farce. Brush my teeth. Comb my hair. At all costs, stifle my natural hideous laughter* (Salinger, *The Laughing Man*); *There was silence, only water climbing down a chain from the spout. Everything else was still. Clouds, unseen tentative hills.* (Ondaatje, *Divisadero*). Еще один частный случай того же явления – это постановка тире в позиции, где в знаке препинания нет необходимости, для выделения,

акцентирования следующего за ним компонента: *Все козыри были у нее в руках, но она – не играла* (Цветаева, Мой Пушкин); *Чернь, на этот раз в мундире кавалергарда, убила – поэта* (Цветаева, Мой Пушкин); *Княгиня надевает шляпу-«капот» и с Марфушей и Ксенией идет на базар с узлами, продавать – те старинные платья, что остались от бабушек* (Пильняк, Голый год); *Weeks later Paul D was the only Buffalo man left—without a plan* (Morrison, *Beloved*).

Реже в аналогичной функции используется двоеточие, ср.: *Совы кричат: по-человечьи жутко, по-звериному радостно* (Пильняк, Голый год); *...утекал в совершенном смятенье от того перекрестка, где был он притиснут к карете, откуда уставились: ухо, цилиндр* (Белый, Петербург).

Особый случай создания расчленения при помощи постановки знака в позиции, где в нем нет необходимости, представлен разновидностью вставных конструкций, которые вычленяют компонент высказывания, связанный грамматически с остальной частью: *With a good deal of additional fidgeting, shuffling, scraping—to disguise her embarrassment at visiting me without having been called—Lo came in and after pottering around, became interested in the nightmare curlicues I had penned on a sheet of paper* (Nabokov, *Lolita*); *И опять шли – молча – переулочками в глухих заборах, в снегах, в синих сумерках...* (Пильняк, При дверях); *каждая праздная мысль развивалась упорно в пространственно-временной образ, продолжая свои — теперь уже бесконтрольные — действия вне сенаторской головы* (Белый, Петербург).

С другой стороны, корреляция «знак – отсутствие знака» может играть роль средства формирования синтаксического слияния. Так, в следующем примере благодаря отсутствию запятой предложения, соединенные союзами *и*, воспринимаются как нерасчлененное, единое целое: *С начала лета мы на новой квартире - на Троицкой. И низко и вода есть и электричество горит* (Ремизов, *Взвихренная Русь*). В следующем примере отсутствие запятых отчасти компенсируется при помощи повторяющегося союза *and*, который, впрочем, не устраняет синтаксическую слитность текста: *The crowd was so thick I couldn't see him again except just his legs going by and some yellow and my old man started out through the crowd and I followed him over to the jock's dressing room back in the trees and there was a big crowd around there, too, but the man at the door in the derby nodded to my old man and we got in and everybody was sitting around and getting dressed and pulling shirts over their heads and pulling boots on and it all smelled hot and sweaty and linimenty and outside was the crowd looking in* (Hemingway, *My Old Men*). Спорадический, не систематичный отказ от знаков препинания характерен для стиля Д. Осокина: *мы ни разу не видели как она смеется; многие уже прихватив куртки не прощаясь убежали на улицу* (Осокин, *Овсянки*); *почему-то тетеньку никто не гнал – ни хозяева ни посетители – и она продолжала свое движение от столика к столику* (Осокин, *Овсянки*). Стоит обратить внимание, что писатель не отказывается от знаков препинания вообще, однако в целом

«пунктуационная плотность» его текстов ниже, чем текстов, оформленных в соответствии с пунктуационными нормами.

Корреляция «более сильный знак – более слабый знак» также используется как средство создания и синтаксического расчленения, и синтаксического слияния. В следующем примере тире используется вместо запятой, причем постановка тире в данной позиции пунктуационной нормой не предусмотрена: *Вы будете смеяться — но если сказать всю правду, мне как-то никогда не удалось в точности выяснить юридическую сторону положения* (Набоков, Лолита). Необходимо обратить внимание, что в английском тексте Набоков использует аналогичную пунктуацию: *You will laugh—but really and truly I somehow never managed to find out quite exactly what the legal situation was* (Nabokov, Lolita). Однако поскольку с точки зрения английской пунктуации считается, что для разграничения двух сложносочиненных предложений наличия союза достаточно, постановка запятой на месте тире является избыточной, а следовательно, данный случай необходимо интерпретировать как проявление корреляции «знак – отсутствие знака». Этот пример иллюстрирует, что осмысление конкретных языковых фактов зависит не только от предлагаемой в реферируемой работе схемы, но и от специфики пунктуационной системы конкретного языка, которая фактически задает возможные отклонения.

Использование более сильного знака препинания вместо более слабого для создания синтаксического расчленения имеет место и в некоторых случаях парцелляции: *Вот так он сказал. И захотел видеться с Зоей часто-часто. Но не постоянно* (Толстая, Охота); *Rafael built a fire while Aria coursed over the fields, looking for things to eat. An onion or two, rosemary, leeks* (Ondaatje, Divisadero). В первом примере вторая точка поставлена вместо запятой, разделяющей ряд однородных обстоятельств, соединенных союзом *но*. Во втором примере точка используется вместо желательного с точки зрения английской пунктуационной нормы двоеточия. Хотя запятая и двоеточие различаются и с точки зрения своей функциональной нагрузки, и с точки зрения своей разделяющей силы, они являются знаками препинания, используемыми внутри предложения и в обоих случаях заменяются еще более сильным знаком, маркирующим конец предложения, что придает тексту фрагментарность и расчлененность.

Реже в той же функции используются тире, ср. следующие примеры, в которых при помощи тире разделяются ряды однородных членов: *Памятник свободе – неволе – стихии – судьбе – и конечной победе гения: Пушкину, восставшему из цепей* (Цветаева, Мой Пушкин); *...и у чиновников не было лиц, а было нечто, вымороченное в синее – казенное – жандармское сукно...* (Пильняк, Голый год). Для английских текстов неклассической парадигмы характерно использование для замены запятой точки с запятой, практически не фиксируемое в русских текстах: *The sparrows fluttering, rising and falling in jagged fountains were part of the pattern; the white and blue, barred with black branches* (Woolf, Mrs. Dalloway); *...for in all the hat shops and tailors' shops*

strangers looked at each other and thought of the dead; of the flag; of Empire (Woolf, *Mrs Dalloway*); *Days of company: knowing the names of forty, fifty other Negroes, their views, habits; where they had been and what done; of feeling their fun and sorrow along with her own, which made it better* (Morrison, *Beloved*).

Другое типичное проявление рассматриваемой корреляции «более сильный знак – более слабый знак» связано с выключаящими вставными конструкциями и перекликается с уже рассмотренными примерами: *Ольга была в шубе и в валенках и – как много уже дней – жалась к печи, устав думать и устав читать* (Пильняк, *При дверях*); *Другой известный деятель русской нынешней словесности (обитающий уже достаточно долгое время в Америке, но встреченный мной именно в Японии) Ал. Генис рассказывал, что когда он впервые посетил данную страну десять лет назад, то на улицах Токио люди прыскали от смеха при его попытках заговорить с ними на некоем обезьяньем, в смысле английском, языке* (Пригов, *Только моя Япония*). В этих примерах более сильные знаки (парные тире и скобки соответственно) используются в позиции, где нормативно должны использоваться парные запятые.

Что касается синтаксического слияния, то корреляция «более сильный знак – более слабый знак» проявляется в текстах, реализующих паратактический стиль. В частности, для таких текстов характерны длинные ряды синтаксических элементов, связанных сочинительной или бессоюзной связью. Приведем небольшой характерный фрагмент такой синтаксической организации: *...the breath fails, if only there were a thing, but there it is, there is not, they took away things when they departed, they took away nature, there was never anyone, anyone but me, anything but me, talking to me of me, impossible to stop, impossible to go on, but I must go on, I'll go on, without anyone, without anything, but me, but my voice, that is to say I'll stop, I'll end, it's the end already, short-lived, what is it, a little hole, you go down into it, into the silence, it's worse than the noise, you listen, it's worse than talking, no, not worse, no worse, you wait, in anguish, have they forgotten me, no, yes, no, someone calls me, I crawl out again, what is it, a little hole, in the wilderness...* (Beckett, *Unnamable*). При осмыслении этого фрагмента важно учитывать не только то, что он состоит из простых (полных и неполных) синтаксических структур, но и то, что он включает предложения, которые следовало бы интерпретировать как вопросительные (*what is it; have they forgotten me*) и, возможно, как восклицательные (это касается предложений, представленных частицами *yes* и *no*). Однако пунктуационно эти предложения не оформляются как вопросительные и восклицательные, что также приводит к заметному обобщению функции запятой. Аналогичное использование запятой находим у А. Гольдштейна. Например, в следующем фрагменте присутствует вопросительное предложение, маркируемое частицей *ли*, но не оформляемое при помощи вопросительного знака препинания: *Зуб выпал небольшо, выштался по-стариковски из лунки, Пушкин холоден, отстранен, усердствует к совершенству, то есть к надменной безошибочной*

сжатости, а совершенства ли добиваться поэту, Кукольник, согрешающий против русского слова и драматической формы, теплей, утешительней... (Гольдштейн, Спокойные поля).

Третий тип нестандартного контекстуального использования знаков препинания – это замены разнофункциональных знаков, между которыми нельзя установить различия в силе. Например, это может быть использование двоеточия вместо тире: *Что-то крикнул дозорный наверху, а потом: костры голодающих, шпалы, обрывок песни голодных и вода Вологи* (Пильняк, Голый год). С другой стороны, возможно и использование тире вместо двоеточия: *А там, от красного флигеля до самого белого дома, вдоль двора фабричные корпуса - спальни, дрова и амбары* (Ремизов, Пруд).

В том же ключе следует осмыслять, например, использование тире у У. Берроуза. Некоторые примеры свидетельствуют в пользу того, что тире фактически берет на себя функцию точки, то есть конечного знака препинания: *My trouble began when they decide I am executive timber—It starts like this: a big blond driller from Dallas picks me out of the labor pool to be his house-boy in a prefabricated air-conditioned bungalow—He comes on rugged but as soon as we strip down to the ball park over on his stomach kicking white wash and screams out "Fuck the shit out of me!"—I give him a slow pimp screwing and in solid* (Burroughs, *The Soft Machine*). Тем не менее, данный знак ставится также в позициях, которые не предполагают обязательного использования точки, ср.: *That's Panama—sad movie drifting in islands of rubbish, black lagoons and fish people waiting a place forgotten—fossil honky-tonk swept out by a ceiling fan—Old photographer trick tuned them out* (там же). Это не позволяет рассматривать использование тире у У. Берроуза как проявление корреляции «более сильный знак – более слабый знак».

Общим для всех приведенных примеров замен разнофункциональных знаков, не различающихся по своей силе, является обобщение, расширение, размывание функций и семантики знака. Несомненно, это имеет следствием снижение определенности знаков препинания с точки зрения их роли в системе, а потому может рассматриваться как проявление тенденции к синтаксическому слиянию, то есть уменьшению дискретности высказывания.

Наконец, особо следует отметить нестандартные сочетания знаков препинания, то есть стяжение в одной позиции знаков препинания, которые с точки зрения нормы не могут сочетаться, ср. ненормативное с точки зрения и русской, и английской пунктуации сочетание двоеточия и тире: *Архип Иванович повернулся, встретились две пары темных глаз: – одни хмурые, больные, с блестящими широкими зрачками, на пергаментном лице: – другие молодые, упорные, вольные* (Пильняк, Голый год); *say now that in a day or two you will begin to be a little reasonable:—say so, Bartleby* (Melville, *Bartleby*, 20). Представляется важным, что такие сочетания, как правило, не являются результатом наложения двух пунктограмм, а используются как самостоятельный знак. Сочетание двух знаков препинания имеет

результатом создание более сильного единства, что, несомненно, повышает общую расчлененность, дискретность текста.

Несмотря на то, что предлагаемая классификация применима и к русскому, и к английскому языку, между двумя языками обнаруживаются различия, обусловленные спецификой конкретной пунктуационной системы. В значительной степени это вызвано различиями между пунктуационными системами разных языков. В частности, для русского языка обособление придаточных предложений запятыми является обязательным, тогда как в английском языке запяты в такой ситуации, наоборот, обычно не используются. Следствием этого является то, что нарушение пунктуационного оформления аналогичных или соотносительных категорий в обоих языках должно быть отнесено к различным разрядам классификации.

Кроме того, правомерным кажется утверждение утверждать, что в обоих языках сформировались различные традиции применения пунктуации для создания расчлененности и слитности текста. Например, для исследованного русского материала свойственно широкое применение сильных знаков препинания (то есть тире или двоеточия) в нетипичных позициях, в частности, с целью создания особого интонационного контура высказывания; в исследованном английском материале этот прием используется несравненно реже. С другой стороны, полный отказ от пунктуационного оформления текста в англоязычной литературе встречается несколько чаще, чем в русскоязычной.

Глава 4 «Системные трансформации пунктуации в текстах неклассической парадигмы» реферируемого исследования посвящена анализу особого класса явлений, а именно случаям, которые правомерно рассматривать как создание особой пунктуационной системы в рамках конкретного текста (как правило, на базе общепринятой системы, случаи использования для членения текста новых знаков в исследованных текстах практически не зафиксированы, хотя примеры такого рода фиксируются другими исследователями, в том числе на материале других языков). Определяющим признаком для данной категории является то, что в конкретном тексте происходит трансформация самой пунктуационной системы.

Можно выделить три случая трансформаций пунктуационной системы. Во-первых, это «усечение» пунктуационных систем, которое осуществляется за счет полного, последовательного исключения тех или иных знаков препинания. Во-вторых, это «расширение» пунктуационных систем, то есть дополнение существующих знаков препинания новыми графическими элементами или комплексами, функции которых являются пунктуационными, то есть связаны с графическим оформлением синтаксической, смысловой или интонационной стороны текста. Как показывает языковой материал, «усечение» и «расширение» пунктуационных систем могут выступать в сочетании.

«Усеченные» пунктуационные системы формируются за счет сокращения используемых знаков препинания. Наиболее радикальным проявлением «усечения» пунктуационных систем является полный отказ от пунктуационного оформления текста. Однако следует отметить, что в действительности абсолютный отказ от пунктуационного оформления в полной мере никогда не реализуется, а конкретные тексты содержат те или иные рудименты пунктуационного оформления: пробелы между словами, которые правомерно рассматривать как часть пунктуации, абзацное членение, которое способно брать на себя пунктуационные функции (например, разделять относительно законченные фрагменты текста, в смысловом отношении равнозначные распространенным сложным предложениям, ср. «How it is» С. Беккета).

Другой важный момент заключается в том, что следует последовательно различать тексты, в которых отказ от пунктуационного оформления используется спорадически, на отдельных фрагментах текста, и тексты, в которых «усечение» пунктуационной системы является основным, ведущим принципом оформления текста. Об «усечении» пунктуационной системы в полном смысле слова правомерно говорить лишь во втором случае, так как первый вариант может быть осмыслен как контекстуальная трансформация пунктуационной системы, то есть принадлежит к ряду случаев, анализируемых в главе 3 реферируемого исследования.

Еще одно яркое явление, реализующееся в связи с «усечением» пунктуационных систем и до сих пор не описанное исследователями, – это частичное исключение знаков препинания. Например, в одном из произведений Р. Федермана в качестве единственных знаков препинания являются тире и двойные тире (в сочетании с абзацным членением и выделением курсивом), ср.: *I am sitting in my study -- that's how the story I recorded begins -- I am sitting in my study in San Diego California -- close to the sun -- where I moved ten years ago to be with myself and finish my work -- I am sitting in my study looking out of the window at the splendid view before me -- incredible -- the valley -- the mountains -- the trees -- the sky -- the clouds -- the birds in the sky - beautiful* (Federman, *Carcasses*). С одной стороны, в таких случаях мы имеем гораздо более «бедную» (по сравнению с традиционно оформленными текстами) пунктуацию, а это правомерно интерпретировать как проявление синтаксического слияния, то есть снижение дискретности текста. Однако, с другой стороны, дискретность текста в таких случаях сохраняется, пусть даже в редуцированном виде.

«Усечение» пунктуационных систем может выполнять различные функции. Помимо создания нестандартной авторской системы пунктуации, которую можно проиллюстрировать процитированным выше текстом Р. Федермана, «усечение» пунктуационной системы может использоваться для формирования образа рассказчика. Так, в романе П. Кэрри «True History of Kelley Gang» посредством редуцированного пунктуационного оформления, в целом ограничивающегося использованием точек между предложениями и

практически полным отсутствием других знаков, писатель создает образ полуграмотного разбойника, от лица которого ведется повествование (ср. также рассказ «Сердечная просьба» В. Сорокина).

«Расширение» пунктуационных систем может достигаться двумя способами. Во-первых, это введение новых знаков препинания – способ, который фиксируется другими исследователями, однако не был обнаружен в исследованном материале. Во-вторых, это вовлечение в пунктуационную систему, то есть совокупность знаков, обеспечивающих графическую организацию как предложения, так и высказывания, пунктуационной периферии, прежде всего, абзацного отступа, а также изменение самой иерархии знаков внутри пунктуационной системы.

Одной из наиболее распространенных форм вовлечения периферии пунктуационной системы является парцелляция (то есть использование точки внутри предложения) в сочетании с абзацным отступом, ср.:

She'd think he did it! It would be better to be the boyfriend, and act outraged, and tear the funhouse apart.

Not act; be (Barth, Lost in the Funhouse).

Очевидно, что сочетание парцелляции и абзацного отступа является пунктуационно-графическим комплексом, который является более сильным, чем парцелляция сама по себе, в результате чего мы получаем более сильную расчлененность текста, которая к тому же воспринимается на форме нормативной пунктуации, скорее исключаяющей подобное оформление высказывания. При этом в текстах неклассической парадигмы абзацный отступ может использоваться в сочетании с другими знаками препинания, то есть внутри предложения, что можно проиллюстрировать следующими примерами:

И Пимен Сергеевич увидел через мрак - теми глазами, которые есть у художников, когда художники умеют видеть не только то, что есть, но и то, что они хотят видеть:

- весенняя ночь, река, простор реки, огни на воде, морские пароходы под Москвою, гранитные дамбы (Пильняк, Волга впадает в Каспийское море);

It was not in the long walks through jostling crowds at night that he was less alone, or in the training camp at Allentown, <...> or in the smokers of limited expresstrains, or walking across country, or riding up the dry mountain canyons, or the night without a sleepingbag among frozen beartracks in the Yellowstone, or canoeing Sundays on the Quinnipiac;

but in his mother's words telling about longago, in his father's telling about when I was a boy, in the kidding stories of uncles, in the lies the kids told at school, the hired man's yarns, the tall tales the doughboys told after taps;

it was the speech that clung to the ears, the link that tingled in the blood; U. S. A (Dos Passos, U.S.A., развернутый ряд однотипных однородных членов в первом абзаце сокращен).

Принципиальным при осмыслении подобных фактов является то, что такое важное средство пунктуационно графического оформления, как абзацный отступ, используется внутри предложения. Причем, как свидетельствует исследованный языковой материал, абзацный отступ внутри предложения не обязательно сочетается с другими знаками препинания, что обнаруживается в романе Дж. Дос-Пассоса, а также может осложняться другими графическими средствами. Широкое применение особого графического положения фрагментов, выделяемых внутри предложения абзацным отступом, характерно не только для творчества Б. Пильняка, но и для некоторых произведений А. Белого, ср.:

*Страшное роковое решение уже принято: не избежать, не осилить:
за ним! –*

– все! –

туда!.. –

А куда, я – не знаю (Белый, Котик Летаев).

Как видно из приведенных примеров, описываемые процессы часто сопряжены с нарушением иерархии знаков препинания: абзацный отступ оформляет либо несколько предложений, либо отдельные предложения, но нормативно никогда не используется внутри предложения. При этом необходимо отметить, что подобные явления не ограничиваются нестандартным использованием абзацного отступа. В реферируемой работе это иллюстрируется использованием скобок в романе Дж. Дос-Пассоса «U.S.A.», перестройкой пунктуационной системы в «Триптихе» С. Соколова, обусловленной использованием точки как знака конца текста и сопряженной с вовлечением в пунктуационную систему такого средства графической организации текста, как цифры, обозначающие членение на главки, а также применением тире для раздела фрагментов текста внутри абзаца у Б. Пильняка.

В некоторых случаях «усечение» пунктуационной системы приводит к тому, что имеющиеся средства оказываются недостаточными, и эта недостаточность компенсируется путем введения новых средств. Например, в фрагментах с «усеченной» пунктуационной системой Дж. Дос-Пассос вводит увеличенные пробелы, которые функционально можно сблизить с точкой: *when you walk along the street you have to step carefully always on the cobbles so as not to step on the bright anxious grassblades easier if you hold Mother's hand and hang on it that way you can kick up your toes but walking fast you have to tread on too many grassblades the poor hurt green tongues shrink under your feet maybe thats why those people are so angry and follow us shaking their fists they're throwing stones grownup people throwing stones* (Dos Passos, U.S.A., The 42nd Parallel). Увеличенный пробел правомерно интерпретировать как новый, особый знак препинания, и это один из тех немногих случаев, когда в исследованном материале мы сталкиваемся с такой новацией.

Другим примером для иллюстрации подобных явлений служит использование многоточия в рассказе Р. Б. Ньюджента «Smoke, Lilies and

Jade». В некоторых фрагментах стандартное многоточие, включающее три точки, является единственным знаком препинания, членящим тексты на сегменты (законченные предложения, компоненты рядов однородных членов), однако в некоторых случаях писатель использует нестандартные многоточия, включающие от пяти до одиннадцати точек, например: *wake up Alex . . . I don't know what will become of you* (Nugent, Smoke); *in trust it was fine to be young and hungry and an artist . . . to blow blue smoke from an ivory holder* (Nugent, Smoke); *Alex trembled . . . could feel Beauty's body . . . close against his . . . hot . . . tense . . . white . . . and soft . . . soft . . . soft* (Nugent, Smoke). Приведенные цитаты показывают, что многоточие, в том числе и стандартное, то есть включающее три точки, используется для разделения самостоятельных предложений, их фрагментов и компонентов рядов однородных членов, что делает его функционально неопределенным.

Таким образом, в произведениях неклассической парадигмы наряду с контекстуальными нарушениями нормы при использовании знаков препинания, ведущими к повышению расчлененности или слитности текста, имеется целый ряд случаев, при которых трансформируется пунктуационная система в целом, причем эффект от такой трансформации также связан с повышением или снижением дискретности текста. «Усечение» пунктуационной системы правомерно интерпретировать в связи с синтаксическим слиянием, поскольку сокращение набора знаков препинания не позволяет передать сложные иерархические отношения между компонентами текста, а потому приводит к ослаблению его дискретности; «расширение» пунктуационной системы представляет собой проявление тенденции к синтаксическому слиянию, потому что любой дополнительный знак позволяет выражать новые отношения между компонентами текста и тем самым повышает его дискретность. Оба направления трансформаций пунктуационной системы, характеризуемые в реферируемой работе как «усечение» или «расширение», могут взаимодействовать, что в типичном случае проявляется как компенсация «усечения» пунктуационной системы за счет ее «расширения», то есть включения новых знаков препинания или их сочетаний.

В заключении формулируются основные выводы исследования, а также указываются перспективы для дальнейших исследований. Проведенное исследование позволило подтвердить положенную в его основу гипотезу и выявить основные формы участия пунктуации в формировании таких важных синтаксических явлений текстов неклассической парадигмы, как синтаксическое расчленение и синтаксическое слияние. Удалось показать, что роль пунктуации не является абсолютной, а сама пунктуация может быть и самостоятельным инструментом формирования расчлененности или слитности высказывания, и дополнять другие, то есть синтаксические и грамматические средства. При этом синтаксическое расчленение и синтаксическое слияние не следует связывать с пунктуацией

напрямую: в текстах неклассической парадигмы содержится большое количество явлений, которые формируются без участия пунктуации и не оформляются пунктуационно.

Основные положения диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора:

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК:

1. Губина Е. А. Роль пунктуации в расчленении и слиянии (на материале художественных текстов неклассической парадигмы) // Научная мысль Кавказа. – 2016. – № 1. – С. 109 – 113. (0,5 п.л.)
2. Губина Е. А. "Усечение" и "расширение" пунктуационной системы в текстах неклассической парадигмы // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 5. – Ч. 2. – С. 71 – 74. (0,4 п.л.)
3. Губина Е. А. Контекстуальные нарушения пунктуационных норм как средство формирования расчленения и слияния в текстах неклассической парадигмы (на материале русской и английской художественной литературы // Гуманитарные и социальные науки. – 2016. – № 4. – С. 63 – 74. (0,6 п.л.)

Другие научные публикации:

4. Губина Е. А. Пунктуационно-графические аспекты художественного синтаксиса неклассической парадигмы: К постановке проблемы // Социально-гуманитарный вестник Юга России. – 2013. – № 11. – С. 109 – 111. (0,4 п.л.)
5. Губина Е. А. Усеченные пунктуационные системы в художественных текстах неклассической парадигмы // Научная перспектива. – 2013. – № 12. – С. 64 – 66. (0,4 п.л.)
6. Губина Е. А. О некоторых возможностях исследования динамики культуры в рамках лингвокультурологии // Yearbook of Eastern European Studies. – 2014. – № 4. – С. 119 – 134. (0,8 п.л.)
7. Губина Е. А. Визуальность письменного текста: к вопросу о соотношении вербального и визуального // Визуальная коммуникация в социокультурной динамике: материалы Международной научно-практической конференции. – Набережные Челны, 2014. – С.403 – 408. (0,4 п.л.)
8. Губина Е. А. О некоторых эффектах авторской трансформации пунктуационной системы (на примере использования двоеточия в романах А. Белого «Петербург» и «Серебряный голубь») // Лингвокультурные феномены в коммуникативном пространстве полиэтнического региона: материалы I Международной научной конференции, Ростов-на-Дону, 5 – 7 ноября, 2014 г. – Ростов-на-Дону, 2014. – С.111 – 115. (0,4 п.л.)
9. Губина Е. А. Пунктуационно-графические эксперименты в трилогии «U.S.A.» Джона Дос Пассоса // Актуальные проблемы германистики и методики преподавания иностранных языков: материалы IV Международной заочной научно-практической конференции. – Саранск, 2014. – С. 9 – 15. (0,5 п.л.)

10. Губина Е. А., Покровская Е. А. Пунктуационный эксперимент в “Триптихе” Саши Соколова // The Fourth European Conference on Languages, Literature and Linguistics, 25th November, 2014. – Vienna, 2014. – С. 110 – 114. (0,4/0,3 п.л.)
11. Губина Е. А. Пунктуация как автономная подсистема письменной речи // Современные проблемы гуманитарных и естественных наук: материалы XXV Международной научно-практической конференции. – Москва, 2015. – Том II. – С. 41 – 46. (0,4 п.л.)